

пекты мировой культуры как бы априорно тяготеет к бесконечному развитию и продолжению. В данном издании в статьях И. А. Эбаноидзе — о Достоевском и Ф. Ницше, И. А. Дергачевой — о рецепции творчества писателя в итальянской литературе рубежа веков, наконец, в работе М. В. Михайловой — о немецких и итальянских экранизациях его произведений в первой трети XX века, где сознательно затрагивается только ряд ключевых «точек» этой глобальной проблемы.

Помимо отдельных сюжетов, изложенных исследователями, и первый, и второй разделы коллективной монографии имеют каждый свой последовательно развивающийся «мета-сюжет», позволяющий читателю на фоне конкретного избранного аспекта восприятия Достоевского проследить эволюцию его «вечных» тем и образов в процессе меняющегося времени, когда подход к наследию писателя, различающийся лишь по эстетическим и философским критериям, сменялся подходом «классовым», и несходство было уже чревато политически обусловленными, вполне реальными последствиями.

Третий раздел сборника представлен одной работой, одновременно и неожиданной, и органичной для достоевсковедения. Это статья доктора медицинских наук Розы Марии Морено Родригес и доктора филологических наук Натальи Николаевны Арсентьевой «„Стресс жизни“ в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева в свете нейрофизиологических исследований». В ряде случаев только объединение усилий представителей разных научных дисциплин может дать объективные ответы на пограничные вопросы познания отдельных аспектов литературного творчества и психологии автора. Предложенное в сборнике исследование и стало результатом подобного плодотворного «содружества», позволив выявить научную медицинскую основу отоображения обоими писателями психопатологии их героев, основу, соответствующую конкретному этапу изучения поведенческой психологии специалистами.

По-достоевски парадоксально-логичным финалом предпринятого в ИМЛИ коллективного

труда являются сопровождающие его два философских приложения. Первое из них — эссе погибшего во время Гражданской войны талантливого ученика Н. О. Лосского — Д. В. Болдырева «„Зосима“ Достоевского и „Бранд“ Ибсена. Вдохновение, жизнь и вера» (1913). Второе — брошюра «Штирнер и Достоевский» (1925), принадлежащая перу сгинувшего в сталинских лагерях философа и неонархиста Н. Отверженного (Н. Г. Булычева). В послесловии к публикации этих забытых текстов М. В. Козьменко представил собранные по крупицам данные о жизненном пути и философских пристрастиях обоих авторов. Закрывающие коллективную монографию работы отличаются по смелости выраженной в них философской мысли, глубине анализа и художественному таланту их создателей. Но оба философских сочинения представляют собой отражение тех, во многом так и не раскрывшихся путей к познанию Достоевского, которые оказались насильственно оборваны в ходе трагического развития русской истории XX века.

Можно говорить и о недостатках сборника: о его, может быть, излишне дробном построении; о создании научного текста по принципу *court-métrage*; о преувеличении вследствие исследовательской увлеченности значимости некоторых фигур (какой же, к примеру, «потерянный достоевсковед» Н. Львова, написавшая лишь одну рецензию?)... Можно, но нет подобного желания. Недостатки и недочеты ни в коей мере не перекрывают главного достоинства выпущенного в ИМЛИ издания. Это — созданный учеными из разных стран современный, основанный во многом на архивных, впервые вводимых в научный оборот материалах, научный труд о формировании в конце XIX — начале XX века того феномена Достоевского как художника и мыслителя, который затем, уже в XX веке, отражался в искусстве, в научной мысли и в СССР, и в России в изгнании, и в других странах. Книга «Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.» — не юбилейный сборник, а результат органичного процесса изучения наследия писателя мировой наукой XXI века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-249-252

© Е. В. Иванова

Д. П. МИРСКИЙ: ПОЧВА И СУДЬБА*

Книги серии ЖЗЛ не принято рецензировать в научных журналах не из ученого снобизма, а из-за отсутствия ссылок на источники, что исключает оценку достоверности сообщаемой ими информации.

Биография «Святополк-Мирский», написанная М. В. Ефимовым и Дж. Смитом, является редким исключением: примечания занимают больше 50 страниц!

Еще одну особенность составляет двойное авторство биографии, поскольку за ним стоят два совершенно разных исследователя, каждый из которых достаточно известен среди славистов.

* Ефимов М., Смит Дж. Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 702 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).

Джеральд Смит, профессор эмеритус Оксфордского университета, занимается творчеством Мирского¹ с начала 1970-х годов, он застал в живых некоторых из тех, кто знал его лично, записи бесед с ними используются в биографии. В 1989 году в Беркли вышел подготовленный Дж. Смитом сборник статей Мирского, первая попытка собрать под одной обложкой его работы на двух языках — русском и английском, в этом издании каждая из статей публиковалась на языке оригинала без перевода,² в приложении помещена аннотированная библиография работ Мирского, написанных в 1932–1937 годах, т. е. в советский период.³ В 2000 году в издательстве Оксфордского университета вышла написанная Дж. Смитом биография Мирского.⁴ Высоко ценивший ее М. Л. Гаспаров в свое время предпринимал усилия по ее переводу на русский язык, и если бы она своевременно пришла к русскому читателю, двойного авторства можно было бы избежать, но тогда эта инициатива не увенчалась успехом. Соавторство, таким образом, является вынужденным, и в кратком предисловии Михаил Ефимов объясняет его особенности: на обложке «указаны два автора, русский и англичанин. Но писалась книга одним человеком — и по-русски. <...> Поскольку работы Дж. Смита повлияли, в известной степени, на мои собственные представления о Мирском, наше соавторство было органичным. Оно оказалось заочным и в пространстве, и во времени: я писал эту книгу *после* английской книги Джеральда. И хотя русская книга ни в какой степени не похожа на английскую, без английской предшественницы, а также без многочисленных публикаций эпистолярного наследия Мирского, осуществленных Дж. Смитом, она не была бы возможна. Потому первая русская биография Мирского в полной мере является плодом русско-британского содружества» (с. 6–7). Публикации эпистолярного наследия, осуществленные Дж. Смитом, упомянуты не случайно — речь идет в первую очередь о публикации писем Мирского к П. П. Сувчинскому, а также о его публикациях в славистическом журнале «Oxford Slavonic Papers», одним из издателей которого он был на протяжении многих лет, писем Мирского к М. Горькому (совместно с О. Казниной), к Саломее Андрониковой-Гальперн и Вере Сувчинской-Трейл (совместно с Р. Дэвисом); ссылки на эти публикации читатель найдет в рецензируемой книге.

В свою очередь, М. В. Ефимов к моменту написания биографии «Святополк-Мирский»

также имел весьма существенные заслуги: совместно с О. А. Коростелевым он является составителем и комментатором наиболее полного на сегодняшний день сборника статей и рецензий Мирского о литературе и искусстве,⁵ куда помимо работ, написанных по-русски, вошли и переводы его статей, написанных по-английски; открывался этот сборник кратким предисловием Дж. Смита «Параболы и парадоксы Д. Мирского», где в общих чертах изложена его концепция творчества Мирского, что позволяет русскому читателю познакомиться с ней. М. Ефимов также автор монографии «D.S.M. / Д. П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции», написанной на основе диссертации, в свое время защищенной в Пушкинском Доме,⁶ здесь впервые корпус текстов Святополк-Мирского по истории русской литературы рассматривался как целостная концепция ее развития с древних времен и до писателей-современников Мирского.

Рецензируемая нами биография, таким образом, соединяет плоды трудов двух одинаково авторитетных исследователей, но в цитированном выше предисловии М. В. Ефимов не зря предупреждал читателя, что она написана одним человеком: яркий и блестящий стиль рецензируемой книги настолько не имеет ничего общего с привычным стилем даже самых незаурядных литературоведческих работ, что его следует отметить как отдельное свойство биографии «Святополк-Мирский». М. В. Ефимов обладает несомненным литературным даром и относится к числу тех авторов, которых можно узнать по одному абзацу.

Про биографию «Святополк-Мирский» можно сказать, что это проекция на его судьбу обширных знаний двух ученых о его творческом пути, при которой интерпретатором внутреннего смысла раскрывающихся взаимосвязей выступает один из них — М. В. Ефимов. Связи эти не лежат на поверхности, их корни уходят глубоко в целостный контекст русской литературы и истории, а кроме того — требуют глубокого понимания всего того, что привносила в творчество Мирского «почва и судьба», достаточно уникальные для русского писателя, каковым мы осмеливаемся его называть, несмотря на то, что к литературе в традиционном смысле слова он мало причастен.

С точки зрения амплуа, в которых выступал Мирский, его следует назвать критиком, историком и популяризатором русской литературы для западноевропейского читателя, а в советский период — английской уже для советского читателя. В том, что литературный критик является еще и историком литературы, нет ниче-

¹ Здесь и далее героя рецензируемой биографии мы называем именем, которым он подписывал свои статьи.

² *Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian literature / Ed., with an Introduction by G. S. Smith. Berkley: Berkley Slavic Specialties, 1989.*

³ *Ibid.* P. 368–375.

⁴ *Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.*

⁵ *Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, комм., материалы к биографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М., 2014.*

⁶ *Ефимов М. В. D.S.M. / Д. П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции. 1920–1932. СПб., 2019.*

го уникального, уникальными были его суждения и оценки в той и другой области, когда протопопа Аввакума он назовет «великим художником слова» и заявит, что «каждому русскому писателю есть чему у него поучиться», а «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова в его представлении станет своего рода гамбургским счетом для всей дореволюционной литературы. За этой точкой зрения на литературу стояло особое понимание ее роли в русской жизни и собственный глубоко выстраданный исторический опыт, который в творчестве Мирского доминировал в равной степени и над политикой, и над эстетикой. Например, в письме к Морису Берингу он рассказывал об опыте, вынесенном им с полей Первой мировой и Гражданской войн: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли все мои друзья, за исключением двоих) и разочарований» (с. 128). Это признание может служить ключом к характеристике Гумилева, не имеющей ничего общего со всем тем, что писалось о нем до Мирского и после: «...как поэт же он — „праведник перед Господом“», и пояснение: «„В 1914 г. Гумилев, единственный из русских писателей, пошел на фронт солдатом (в кавалерию). <...> Множеству литераторов Германии, Франции, Англии и Италии, которые воевали или погибли на фронте, русская литература может противопоставить только одно имя — Гумилева“» (с. 115–116). Добавим, что имя Мирского можно поставить вслед за ним.

Мирский был один из немногих, кто по достоинству оценил «Апокалипсис» Розанова, он способствовал сначала его републикации во втором номере «Верст» (1927), а потом и переводу на английский язык, хотя непонятно, что мог «гордый взор иноплеменный» увидеть в несмирном самообнажении ее автора.

Только в контексте розановского «Апокалипсиса» можно понять основную интенцию статьи Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе», опубликованной в том же самом номере журнала «Версты», где и русской культуре был вынесен не менее суровый приговор: «В дореволюционной культуре нечего сохранять или, точнее, в предреволюционной. Это не значит, что мы должны отречься от „интеллигентского“ периода нашей истории или забыть о нем. Наоборот, сильные его примером, положительным и отрицательным, мы должны уходить от него, не забывая о нем. Основывать культурный консерватизм можно было на Ломоносове, Державине, Пушкине, мужах силы и крепости. Но основывать его на поколениях, которые все силы свои положили на дело разрушения, значит не понимать слова „консерватизм“ и не уважать дела этих разрушителей. Это значит строить дом на океане» (с. 287). Тяготение Мирского к Розанову определялось его жизненным опытом, носило экзистенциальный, а не эстетический характер, на этой почве складывался и совершенно особенный консерватизм Мирского, из-

ложенный им в форме диалога в статье «О консерватизме».

В отношении к русской критике он пошел дальше Розанова, ее представителей он называл «особой породой людей», которая «изо всех сил старалась не подпустить к телу русской литературы всех тех, кто не исповедовал ортодоксальность или хотя бы слегка отклонялся от ортодоксальности. Им бы удалось выгнать из храма даже Пушкина, если бы они позднее не приняли более мудрую политику притягивания его как одного из своих, при этом сильно его искажив и изуродовав» (с. 204).

В этой своей части взгляд Мирского на русскую культуру может показаться излишне эксцентричным, но именно собственный жизненный и исторический опыт стоял за таким, например, предостережением: «Соприкосновение с русской культурой гибельно для всех лучших качеств англичанина <...> Проникнутый „русским духом“ англичанин делается мрачным истериком и анархическим педантом» (с. 164). За подобные высказывания современники часто обвиняли Мирского в излишней любви к парадоксам, но это мнение, как и любое другое, обеспечено его судьбой, судьбой России, которую все они потеряли, при этом Мирский оказался одним из немногих, кто пытался понять — почему. Этим отрицанием продиктованы его попытки найти поначалу в творчестве Цветаевой, а потом еще и Маяковского те здоровые начала, на которых русская культура сможет отстраиваться заново, но это лишь первая часть его наследия, адресованная русской эмиграции, которая встретила его полным непониманием, граничащим с ненавистью.

Вторая, историко-литературная часть, изначально имела другого адресата — зарубежного читателя, и здесь приговоры если и были, носили совсем иной характер. Здесь в центре находится «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год» (в 2 т.), написанная по-английски и переведенная Р. А. Зерновой на русский язык (1992). Составители тома статей Мирского «О литературе и искусстве» М. В. Ефимов и О. А. Коростелев дополнили «Историю...» рядом статей и рецензий Мирского сродной тематики, опубликованных по-английски. Благодаря переводам эта часть наследия Мирского пришла также и к русскому читателю, но пока она воспринимается не как целостная концепция развития русской литературы, а как компендиум разнообразных острых и ярких идей и оценок.

Между тем она может быть названа самой перспективной и продуктивной в наследии Мирского, поскольку здесь содержится глубоко оригинальный взгляд на русскую литературу, который существенно отличается от привычного нам представления, опирающегося на пресловутые три этапа освободительного движения, а ведь именно на них до сих пор базируется наше преподавание этой дисциплины в школах и ВУЗах. Как представляется, вехи,

которые расставляет в истории русской литературы Мирский, в том числе и исторические, заслуживают не просто внимания и обсуждения, а, что гораздо более важно, — применения в педагогической практике. Мирскому принадлежала еще одна идея, которую М. В. Ефимов назвал «ударом по профсоюзу советских литературоведов»: «У нас нет ни одной истории европейской литературы, которая бы включала русскую, ни одной истории русской литературы, которая рассматривала бы ее как часть европейской» (с. 589). Был еще один замысел, безнадежно утраченный, он сложился у Мирского уже в лагере и дошел до нас благодаря воспоминаниям Ю. Г. Оксмана: «Он бесконечно скорбел по поводу своего перехода в новую веру и приезда в Россию, проклинал коммунизм, издевался над своими иллюзиями. Много говорил о своих планах истории русской поэзии и верил, что останется жить» (с. 631).

Иллюзии, над которыми издевался Мирский, находясь в лагере, — особая тема. М. В. Ефимов касается этих иллюзий, заставивших Мирского вернуться в Россию навстречу неминуемой гибели. Как обычно, не обошлось без женщины: перед inferнальной Верой Гучковой-Трейл-Сувчинской Мирский в одном из писем поставил вопрос ребром, либо она выходит за него замуж, либо он возвращается в Россию. От себя добавим, что ответ на эту загадку отчасти помогает найти роман В. Набокова «Подвиг» и его же стихотворение «Бывало ночью только лягу...». Тяготение вернуться в Россию у некоторой части первой волны эмиграции носило настолько иррациональный характер, что понять его может только художник, в судьбе Мирского получилось еще

страшнее: вместо оврага в черемухе была мерзлая колымская земля.

Возвращению Мирского в Россию предшествовало вступление в коммунистическую партию Великобритании, где он надеялся обрести здоровую альтернативу «загнивающему Западу». После возвращения создавалась третья часть наследия Мирского, представленного преимущественно статьями по зарубежной литературе, в которых сквозь марксистские догмы проглядывает такое тонкое знание и понимание английской литературы, какого мы не найдем ни у одного из наших специалистов-литературоведов. Но отделить эти догмы никто, кроме автора, не имеет права, и эти статьи так и остаются погребенными под ними.

В короткой рецензии трудно, даже невозможно описать все богатство и разнообразие идей, которые кодифицирует, поясняет и связывает друг с другом биография «Святополк-Мирский», ее так и хочется назвать нашим «патентом на благородство», книгой, помогающей глубоко прочувствовать «духа мощного господство и уточненной жизни цвет» ее героя. Она впервые представляет наследие этого уникального историка русской культуры как некое целое, расставляет акценты и намечает реперные точки для его освоения. Невозможно себе представить, что эта книга окажется очередным кирпичиком в здании огромной серии ЖЗЛ, она должна стать темой серьезных методологических дискуссий и краеугольным камнем для построения нового курса истории русской литературы в соответствии с заглавием главной книги Мирского — «с древнейших времен» и, может быть, даже по сегодняшний день.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-252-254

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

«ВЕЛИКОЕ НЕСЧАСТЬЕ РОДИТЬСЯ ПОЭТОМ...»: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА Д. И. МОРСКОГО*

Имя Дмитрия Ивановича Морского (наст. фам. — Малышев, 1897–1956) практически не известно современному читателю. Мало знакомо оно и специалистам по отечественной литературе 1920–1930-х годов, возможно, только тем, кто детально исследовал круг корреспондентов А. М. Горького или младшее поколение «новокрестьянских» поэтов, историю первых

десятилетий эрзя-мордовской профессиональной словесности. Участник трех войн (Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной), прошедший предвоенные, военные и послевоенные тюрьмы и лагеря, он в 1923–1925 годах учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, регулярно посещал «Никитинские субботники», активно публиковался в газетах и журналах (от «Известий», «Красной звезды», «Красной нови» и «Молодой гвардии» до «Пахаря», «Путеармейца» и «Строителя БАМа»), вернулся в 1954 году, полностью отбыв десятилетний

* *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Из литературного наследия Д. И. Морского: Переписка. Воспоминания. Рецензии. Неопубликованные произведения. М.: ФЛИНТА, 2020. 490 с.